

DOI: 10.31857/S013038640013374-9

© 2021 г. И.П. ДАВЫДОВ

КАК ВОЗМОЖНА ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ? («История Церкви» как самостоятельная дисциплина в свете эпистемологии)

Давыдов Иван Павлович — доктор философских наук, доцент кафедры философии религии и религиоведения философского факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

E-mail: ioasaph@yandex.ru

Researcher ID: AAP-3005-2020; *ORCID:* 0000-0002-2512-0127

Аннотация. В статье рассмотрены сходства и различия эпистем и парадигм научного знания с позиций философии науки Томаса Куна, Гастона Башляра, Имре Лакатоша, Мишеля Фуко, Джорджо Агамбена. Если *парадигме*, согласно взглядам Т. Куна и его последователей, присущи нормативизм, методологическая систематичность, регулятивность и некоторые другие признаки позитивного знания, то *эпистеме* — методологическая аморфность, наличие «скрытых структур», априорность гносеологических подходов и т.д. Обобщая, можно зафиксировать философскую дискретность эпистем и континуальность парадигм. История науки может констатировать факт смены научных парадигм в последовательности: *классическая — неклассическая — постнеклассическая — неоклассическая — постпостнеклассическая*. Данное утверждение справедливо при трех допущениях: (а) речь ведется исключительно о гуманитаристике; (б) парадигмы способны сосуществовать одновременно; (в) в ходе «поворотов» («лингвистических» и проч.) возможен резкий переход гуманитарного дискурса (как научного, так и философского) с одной парадигмы на другую, минуя одно или несколько промежуточных звеньев указанной цепи. Дж. Агамбен, опираясь на идеи Аристотеля и Карла Шмитта, политизирует понятие «парадигма» в дискурсе о теологии и говорит о наличии двух «метaparadигм»: (а) политической, т.е. официальной, и (б) экономической, т.е. приватной (политэкономии в таком случае можно представить как совмещение оптик обеих парадигм). Сциентистскую состоятельность истории Церкви как самостоятельной научной дисциплины автор обсуждает с когнитивной и системной точек зрения именно в контексте «метaparadигмального» подхода Дж. Агамбена и прогнозирует возможное совмещение нескольких парадигм и их альтернатив — эпистем в одном научном дискурсе.

Ключевые слова: Церковь, история Церкви, философия истории, философия науки, эпистема, парадигма, «метaparadигма», религиоведение.

I.P. Davidov

How is the History of the Church Possible? («Church History» as an Independent Discipline in the Light of Epistemology)

Ivan Davidov, Department of the Philosophy of Religion and Religious Studies, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: ioasaph@yandex.ru

Researcher ID: AAP-3005-2020; ORCID: 0000-0002-2512-0127

Abstract. The article discusses the similarities and differences between the epistemes and paradigms of academic knowledge from the standpoint of the philosophy of science of Thomas Kuhn, Gaston Bachelard, Imre Lakatos, Michel Foucault, Giorgio Agamben. According to the views of T. Kuhn and his followers, if the paradigm is characterized by normativism, methodological systematicity, regularity, and some other signs of positive knowledge, then the episteme is characterized by methodological amorphousness, the presence of “hidden structures”, a priori epistemological approaches, etc. The history of science can state the fact of changing scientific paradigms in the following sequence: classical – non-classical – post-non-classical – neoclassical – post-post-non-classical. This statement is true under three assumptions: (a) we are talking exclusively about the Humanities; (b) different paradigms can coexist simultaneously; (c) in the course of “turns” in the Humanities, a sharp transition of discourse (both scientific and philosophical) from one paradigm to another is possible, bypassing one or more intermediate links of the specified chain. Giorgio Agamben, relying on the ideas of Aristotle and Karl Schmitt, politicizes the concept of “a paradigm” in the discourse on theology and says that there are two “metaparadigms”: (a) political, i.e. official, and (b) economic, i.e. private. The author discusses the scientific validity of Church History as an independent academic discipline from the cognitive and systemic points of view in the context of the “meta-paradigmatic” approach of Giorgio Agamben and predicts possible combination of several paradigms and their alternatives – episteme in one scientific discourse.

Keywords: Church, Church History, philosophy of history, philosophy of science, episteme, paradigm, “metaparadigm”, religious studies.

Объектом данного исследования является эпистемологическая ситуация, сложившаяся на данный момент в отечественной гуманитаристике, а предметом – место академической и педагогической дисциплины «История Церкви» в ряду смежных исторических наук. Актуальность данной теме придает факт все большего институционального обособления в РФ истории Церкви как суботрасли исторической науки от других близкородственных ей («Истории религии» в целом и «Истории христианства» в частности)¹.

Философско-историческая методология детерминирована целью исследования, а именно – попыткой теоретико-методологического осмысления и обоснования уже состоявшегося и нередко просто констатируемого факта размежевания вышеуказанной дисциплины с «соседями по цеху», для чего необходимо было решить следующие задачи:

(а) выяснения сциентистской состоятельности истории Церкви как гуманитарной науки;

¹ Доказательством этому служат, например, 1) учреждение в 2007 г. на историческом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова кафедры истории Церкви, которая является преемницей традиций Императорского Московского университета периода 1863–1917 гг.; 2) деятельность Центра по изучению истории религии и церкви Отдела Новой и Новейшей истории ИВИ РАН; 3) существование со 2-й половины 2019 г. профильного академического издания «Российский журнал истории Церкви».

(б) уточнения предметной области истории Церкви как светской науки в контексте ее диалога с конфессиональной церковно-исторической традицией, в частности русской православной;

(в) рассмотрения в сравнительном ключе объекта / предмета религиозоведческого знания, с одной стороны, и объекта / предмета анализируемой дисциплины – с другой;

(г) демонстрации методологических преимуществ философско-политологического «метaparадигмального» подхода в деле эпистемологической «апологии» возрождаемой в российской гуманитаристике суботрасли историко-церковного знания.

Относительной новизной исследования автору видится привлечение в эпистемологический дискурс не столько аргументов философии истории², сколько «метaparадигмального» подхода современного философа Джорджо Агамбена³.

Философия истории, как то убедительно показали, например, Р. Арон, Б. Маккаллах, А. Данто, И.М. Савельева, А.В. Полетаев и другие современные авторы⁴, – поныне остается одной из самых интересных для историков областей философского знания, накопившего со времен античности многовековой опыт сосуществования в одном интеллектуальном пространстве истории и философии.

(А) Сциентистская состоятельность истории Церкви как науки может быть рассмотрена в двух плоскостях – когнитивной и системной, поскольку с точки зрения теории познания (каким бы трюизмом это ни выглядело) следует различать науку как социальный институт; как когнитивную деятельность; как систему верифицируемого знания⁵. Социальная плоскость при этом не элиминируется, она важна для описания науки в диахронном срезе – как кооперации усилий нынешнего и всех предшествующих поколений ученых. Это яркий маркер дифференциации и академической самоидентификации. В зависимости от того, с кем ассоциируют себя современные исследователи Церкви в России – с продолжателями ли дела В.В. Болотова, А.В. Карташева, А.П. Лебедева, М.Э. Поснова, А.А. Васильева, И.И. Соколова и т.д. или же с традицией, например, Н.М. Никольского, И.А. Крывелёва и других советских специалистов, можно сделать выводы о востребованности наследия той или иной научной школы: историко-церковной или же религиозоведческой.

Гносеологией учитываются так называемые «сигнатуры» научных теорий, являющиеся, на наш взгляд, удобным инструментом описания когнитивной деятельности науки⁶. При этом минимальные требования, предъявляемые к естественнонаучной и к гуманитарной теориям, не совпадают, что становится очевидно при их сопоставлении (см. таблицу 1).

Из данных таблицы 1 следует, что гуманитарное знание (к которому относится, разумеется, и история Церкви) мыслится гносеологами менее строгим по сравнению с точными и естественнонаучными дисциплинами. Такой подход созвучен и точке зрения

² Данто А.С. Аналитическая философия истории. М., 2002; Ильин В.В. Философия истории. М., 2003; Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997.

³ В чуть ли не единственном на сегодня узкопрофильном словаре по философии истории и историографии под редакцией А. Такера Дж. Агамбен вообще не упоминается (см.: A Companion to the Philosophy of History and Historiography / Ed. A. Tucker. Oxford, 2009). И в посвященных «Агамбениане» монографиях и спецвыпусках журналов в качестве «историософа» его не рассматривают, воспринимая только как философа и политолога (см., напр.: Mills C. The Philosophy of Agamben. Ithaca, 2008; The Agamben Effect / Spec. ed. A. Ross // The South Atlantic Quarterly. 2008. Vol. 107. № 1).

⁴ Арон Р. Избранное: введение в философию истории. М. – СПб., 2000; Арон Р. Избранное: измерения исторического сознания. М., 2004; McCullagh B.C. The Logic of History. Putting postmodernism in perspective. London; New York, 2004; The Historic Turn in the Human Sciences / Ed. T.J. McDonald. Ann Arbor, 1996; Warum noch Philosophie? Historische, systematische und gesellschaftliche Positionen / Hrsg. von M. van Ackeren, T. Kobusch, J. Müller. Berlin – Boston, 2011.

⁵ Ильин В.В. Теория познания. Эпистемология. М., 1994. С. 5–8.

⁶ Ср. с агамбеновской трактовкой сигнатур: Agamben G. The Signature of All Things. On Method. New York, 2009. P. 33–80.

И.М. Савельевой и А.В. Полетаева, которые, анализируя концептуализацию исторической науки, выделяют (а) «историю-текст», (б) «историю-реальность» и (в) «историю-знание», исходя из логико-семантических категорий (а) знака, (б) значения (денотата) и (в) смысла (коннотата)⁷. Т.е. их метод охватывает сразу три важнейших элемента сигнатуры гуманитарной теории (а отсутствие оценочных суждений может свидетельствовать о склонности к гуссерлианскому принципу «архэ»). Однако такая «диспозитивная» сигнатура при всей своей «лояльности» не снимает с гуманитариев, работающих в сциентистском ключе, обязанности следовать критериям научности, выработанным еще неопозитивизмом и критическим рационализмом (Имре Лакатоша, Бертрана Рассела, Карла Поппера, Рудольфа Карнапа), таким как: истинность, общезначимость, эффективность, объективизм, рациональность, системность, эссенциализм, верификационизм, фальсификационизм⁸.

Таблица 1

Сигнатура естественнонаучного знания	Сигнатура гуманитарного знания
<ul style="list-style-type: none"> – множество фактов; – множество законов; – множество констант; – множество интерпретаций; – множество моделей; – множество формализмов; – множество логических допущений. 	<ul style="list-style-type: none"> – множество знаков-символов; – множество герменевтических процедур; – множество аксиологических оценок; – множество логических средств⁹.

(Б) История Церкви в качестве научной дисциплины, рассматриваемой и как «текст» (т.е. «большой нарратив»), и как «знание», вполне может соответствовать всем вышеназванным критериям научности и в когнитивной, и в системной плоскостях сциентистской оптики, в том числе ретроспективно — церковно-исторические исследования предшественников, конфессионально ориентированные либо же, наоборот, подвергнутые цензуре за свободомыслие, оказываются историко-церковными ровно настолько, насколько их исторический метод отвечает современным светским критериям научности. Конфессионально ориентированная версия истории Церкви, т.е. церковно-историческое «история-знание», — в отличие от строгой исторической науки, — в силу своего происхождения может некритично апеллировать к сакрализованному «историкотексту», являющемуся продуктом религиозного мышления либо какой-то иной несциентистской формы общественного сознания / мышления (к которым относятся обыденное, мифологическое, магическое, художественное, философское¹⁰). Показательные примеры здесь — отношение к агиографии как к сугубо историческому источнику со стороны В.О. Ключевского и как к церковному преданию со стороны его старшего современника еп. Игнатия (Брянчанинова). А также теолого-аскетологическая интерпретация

⁷ Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. Т.1: Конструирование прошлого. СПб., 2003. С. 60–69; Неклассическое наследие. Андрей Полетаев / Отв. ред. И.М. Савельева. М., 2011. С. 199–250.

⁸ Карнап Р. Значение и необходимость. Исследования по семантике и модальной логике. М., 1959; Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные работы. М., 1983; Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М., 1995; Рассел Б. Исследование значения и истины. М., 1999; Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / Сост. Д.Г. Лахути, В.Н. Садовский, В.К. Финн. М., 2000; Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. М., 2008.

⁹ Ильин В.В. Теория познания. Введение. Общие проблемы. М., 1993. С. 76–87.

¹⁰ И.М. Савельева и А.В. Полетаев в своей работе по ретроспективной социологии учитывают далеко не полный перечень, разграничивая только архаическую мифологию, религию и философию (см.: Социология знания о прошлом. М., 2005. С. 180 и след.).

истории русского православного юродства в сочинениях митр. Серафима (Чичагова)¹¹ и феноменолого-культурологическая — в трудах современного историка-византиниста С.А. Иванова¹². В католической историографии 2-й половины XX в. дело обстоит аналогичным образом: историческая экклесиология, например, Ги Бедуэлла учитывает библейский контекст и эсхатологическую перспективу¹³, в то время как двухтомник Йозефа Лортца построен на светском методологическом фундаменте истории идей¹⁴.

(В) Разумеется, наивный онтологический реализм в философии истории (как светской, так и религиозной) уже давно преодолен¹⁵. И разграничение в эпистемологии имеет смысл проводить не столько между онтологической и трансценденталистской истиной, сколько между корреспондентной и когерентной теориями истины. Как следует уже из этимологии, корреспондентная теория истины подразумевает объективное, внеситуативное, трансцендентное соответствие знания реальности, а когерентная теория истины — наоборот, субъективное, ситуативное, имманентное соответствие элементов некоторой концепции друг другу, попросту их внутреннюю непротиворечивость и взаимосогласованность¹⁶.

На наш взгляд, именно когерентная теория истины в философии религии позволяет выстраивать любые доксологические теологемы. А смещение фокуса внимания с проблемы истины на проблему истинности (атомарного предложения, высказывания, протокольного предложения, суждения) еще больше облегчает теологам задачу конструирования наукоподобной теологии истории (методом «погружения» гегелевской философии истории в онто-теологию). Сторонники этого подхода видят в «научной теологии» свой резон, а именно изучение истории эволюции «веры Церкви», т.е. доксологию. Представляется, что теология, претендующая на научность, должна соответствовать не только критерию верификационизма, но и критерию фальсификационизма, т.е. указывать границы применимости собственных умопостроений. Но на сегодняшний момент даже верификация в теологии истории оказывается избыточным требованием, так как претендующий на универсализм философский теизм оперирует не корреспондентной, а когерентной теорией истины.

В этом ключе религиоведение, понимаемое как комплекс дисциплин, объединенных единым предметным полем — религией во всем многообразии ее проявлений, выгодно отличается от философского теизма, поскольку такие ее составляющие, как история религии, социология религии, социальная антропология остаются верны корреспондентной теории истины и стремятся отвечать всем критериям научности. Другое дело, что история Церкви уже достаточно набрала академический «вес» и автономизировалась как от всеобщей истории, так и от истории религии¹⁷. У религиоведения свой предмет — религия, у истории Церкви свой — христианская церковь как земной социальный институт, а не метафизический конструкт или теологическая метаданность, поэтому целесообразность их демаркации не

¹¹ *Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря*. СПб., 1903.

¹² *Иванов С.А.* Блаженные похабы: Культурная история юродства. М., 2005.

¹³ *Бедуэлл Г.* История Церкви. М., 1996.

¹⁴ *Лортц Й.* История Церкви. Т. 1–2. М., 1999–2000.

¹⁵ *Historical Reenactment. From Realism to the Affective Turn* / Eds. I. McCalman, P. A. Pickering. New York, 2010; *McPartland T. J.* Lonergan and Historiography. The Epistemological Philosophy of History. Columbia, 2010.

¹⁶ *Макеева Л.Б.* Язык, онтология и реализм. М., 2011. С. 131–271.

¹⁷ Русскоязычному читателю достаточно обратиться к таким фундаментальным трудам, как, например, многотомник Филипа Шаффа «История христианской Церкви» (СПб., 2007–2010) или же познакомиться с библиотекой кафедры истории Церкви исторического факультета МГУ: Общая история Церкви. Т. I–II / Сост. В.В. Симонова. Кн. 1–2. М., 2017; Введение в историю Церкви. Ч. 1: Обзор источников по общей истории Церкви / Под ред. В.В. Симонова. М., 2012; Ч. 2: Обзор историографии по общей истории Церкви / Под ред. В.В. Симонова. СПб., 2015. Причем эти фолианты самими авторами-составителями позиционируются как учебные (!) издания. Не всякая кафедра религиоведения может похвастаться столь же грандиозными достижениями в области истории (по умолчанию — всех, что заведомо неосуществимо) религий.

вызывает сомнений. Подобное «отпочкование наук» наблюдается историками науки регулярно и свидетельствует об институциональной «взрослости» той или иной суботрасли знания (никто же не оспаривает самостоятельное существование египтологии, библеистики, иудаики, синологии, японистики. Хотя африканистика и ориенталистика могли бы претендовать на интеграцию их компетенций с собственными)¹⁸.

(Г) Очевидно, методология истории церкви, как и всеобщей истории, будет варьироваться в зависимости от парадигмы: классической, неклассической, постнеклассической и неоклассической¹⁹. Разброс подходов здесь очень широк — от «классики» 1910-х годов, например, А.С. Лаппо-Данилевского²⁰ до современной неоклассики²¹. И внутри этого спектра свое место в качестве «неклассической методологической установки» занимает и школа «Анналов»²², и «трансцендентальный томизм» Бернара Лонергана²³. Разнообразие базовых признаков каждой из парадигм антитетичной пары и их преемственность удобно представить в форме таблицы 2.

Таблица 2

Парадигма-«тезис»	Парадигма-«антитезис»
<p>I. КЛАССИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА</p> <ul style="list-style-type: none"> – источниковедческая критика исторического источника с целью извлечения из него достоверного факта как фиксации единичного события прошлого; – «смерть героя» как представителя ушедшей эпохи; – «позитивизм» и «неопозитивизм». 	<p>II. НЕКЛАССИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА</p> <ul style="list-style-type: none"> – диалог историка и автора «истории-текста» с целью интерпретации его содержания при помощи герменевтических процедур; – «погружение» исследователя в аутентичный «культурный слой» бытописателя; – выявление феноменологической природы исторического знания; – «психологизм».
<p>IV. НЕОКЛАССИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА</p> <ul style="list-style-type: none"> – возврат «классики» на новом витке научного знания; – выяснение эпистемологических основ исторической науки; – интерес к методу, обращение к философии науки; – онтологизация эмпирической реальности, превращение истории в «историю-реальность»; – «когнитивизм». 	<p>III. ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА</p> <ul style="list-style-type: none"> – деконструкция «больших нарративов»; – интерес к «нулевой степени» исторического явления как указания на его умышленное отсутствие; – «смерть автора» в пользу читателя-интерпретатора; – интерпретация любых источников, в том числе «нулевой степени», как репрезентантов своего хронотопа; – интертекстуальность; – «постмодернизм».

¹⁸ Любой историк согласится, что, к примеру, архивное дело также имеет право на самоопределение (см. подробнее: *Блоун Ф., Розенберг У.* Происхождение прошлого. «Подлинность» для историков и архивистов. СПб., 2017).

¹⁹ Источниковедение / Отв. ред. М.Ф. Румянцева. М., 2015. С. 11–12.

²⁰ *Лаппо-Данилевский А.С.* Методология истории. М., 2006. Что такое «классика» подробно объяснили И.М. Савельева и А.В. Полетаев (см.: *Савельева И.М., Полетаев А.В.* Классическое наследие. М., 2010).

²¹ Как мы пишем историю? / Отв. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. М., 2013; Событие в истории, памяти и нарративах идентичности / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2017 (особо см. статью М.Ф. Румянцевой «Историческая память и презентация истории (неоклассическая vs классическая – неклассическая – постнеклассическая модели исторической науки)». С. 18–48).

²² Философия и методология истории / Общ. ред. И.С. Кона. М., 1977. С. 115–142, 216–244.

²³ *McPartland T.J.* Op. cit.

<p>(VI. ?)</p> <ul style="list-style-type: none"> – перспективы не определены; – гипотетичен отказ от куновской теории научных революций в пользу метапарадигм Дж. Агамбена; – но более вероятно параллельное сосуществование нескольких парадигм и их альтернатив – эпистем (М. Фуко). 	<p>V. ПОСТ-ПОСТНЕКЛАССИЧЕСКАЯ ПАРАДИГИМА</p> <ul style="list-style-type: none"> – влияние акторно-сетевой теории Брюно Латура и Джона Ло на конструирование социальной «истории-реальности»; – кооперация историков с учеными других специальностей по модели горизонтальных, «матричных», а не вертикальных, «штабных» схем менеджмента (в плоскости рассмотрения истории как социального института); – «постпостмодернизм»²⁴.
--	---

Шестой сегмент таблицы 2, видимо, нуждается в пояснении, ибо вопрос вектора эволюции остается открытым. Наша гипотеза состоит в том, что современная гуманитаристика в своем развитии дошла до очередной точки бифуркации, так как «неоклассика» в силу своего консерватизма вряд ли сможет конкурировать на равных с «постпостмодернизмом». Но выход из очередного методологического «тупика» есть. И он заключается в строгом разведении понятий «эпистема» (досл.: знание), «парадигма» (досл.: эталон, образец для подражания) и «метапарадигма». В сравнительном ключе признаки *эпистемы* («археологии знания» М. Фуко) и *парадигмы* (устойчивой формы существования «нормальной науки» между двумя очередными «научными революциями») удобно задать таблицей 3.

Таблица 3

Эпистема (М. Фуко, Г. Башляр) ²⁵	Парадигма (Т. Кун) ²⁶
<ul style="list-style-type: none"> – культурно-познавательное a priori; – «скрытые структуры»; – аморфность условий возможности реализации; – способ «поэтического опрокидывания» вещей в слова; – «ризоматичность» «синхронистических изоморфизмов»; – дискретность. 	<ul style="list-style-type: none"> – a posteriori; – систематичность; – «нормативизм» правил и стандартов получения знания; – теоретичность; – регулятивность; – каузализм как поиск «корня» явления; – континуальность.

Контроверзой куновской «парадигме» является и фукольдианская «эпистема», и агамбеновская «метапарадигма». Как известно, Мишель Фуко исключил почти всю гуманитаристику из «эпистемологического трехгранника», при этом наделив историю многочисленными функциями мемориализации, мифа, трансляции нарратива и т.д., вплоть до прогностики²⁷. В своей «археологии знания» он описал всего три эпистемы европейской цивилизации: ренессансную (построенную на принципах симпатии и подобия), классическую (основанную на принципах тождества и различия) и современную (на принципах формализации и интерпретации). На наш взгляд, пластичность эпистемы адекватно соответствует вышеуказанной сигнатуре гуманитарного знания. Но поскольку

²⁴ Павлов А.В. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. М., 2019.

²⁵ Визгин В.П. Эпистемология Гастона Башляра и история науки. М., 1996; Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.

²⁶ Kuhn T.S. The Structure of Scientific Revolutions. 3rd ed. Chicago, 1996.

²⁷ Фуко М. Указ. соч. С. 367–386.

сам М. Фуко вывел историю за пределы гуманитарных наук, так как она образует «среду» их обитания, справедливо будет предъявлять к истории (и истории Церкви) сциентистские требования классической и неоклассической парадигмы, к которым относится и признание корреспондентной теории истины. Когерентная теория истины, которой оперирует философский теизм, двигаясь в русле плюралистической концепции рациональности, в таком случае будет указывать на следование *эпистеме*, скорее всего, *современной*.

Занимаясь политической теологией Карла Шмитта, Джорджо Агамбен по-своему решал аналогичный вопрос, надстроив теоретическое «здание» *парадигм* «этажом» *метапарадигм* (хотя сам термин «метапарадигма» — не из его лексикона²⁸). С его точки зрения, — которая, по нашему убеждению, сохраняет свою эвристическую значимость не только в политической теологии и теологии истории, но и в философии истории, — таких метапарадигм всего две: политическая и экономическая (в аристотелевском смысле слова *polis* и *oikos*)²⁹. Таким образом, политическая метапарадигма — это публичная сфера («для других»), а экономическая — приватная («для себя»), хотя и там, и там есть место административно-управленческим мононормам (моральным и правовым).

Резюмируя, можно сказать, что историк Церкви, даже будучи воцерковленным верующим или клириком, не будет кривить душой, стремясь работать в строго сциентистском ключе. Это просто значит, что он избрал политическую метапарадигму и, желая быть понятным «для других», придерживается принципов корреспондентной истины, научной объективности и религиозного индифферентизма (последний часто и совершенно неоправданно называют «методологическим атеизмом», но атеизм — это нечто совсем другое). В более тесном кругу общения единомышленников ничто не мешает историку Церкви быть «своим для своих» и в экономической метапарадигме, допускающей интересубъективность и оценочные суждения, заявлять о своей конфессиональной идентичности.

Подводя итоги, подчеркнем, что:

во-первых, история Церкви может и должна мыслиться как строго научная дисциплина, отвечающая всем критериям научности, в том числе критериям истинности, верификации и фальсификации.

Во-вторых, история Церкви должна сохранять дистанцию с теологией и философским теизмом, поскольку их аргументация может не отвечать критериям научности, выработанным неопозитивизмом и критическим рационализмом (И. Лакатоша, Б. Рассела, К. Поппера и др.). Размывание этих критериев современной светской теологией посредством подмены корреспондентной теории истины когерентной представляет отдельную эпистемологическую проблему.

В-третьих, религиоведение, до сих пор испытывающее сильное и решающее влияние со стороны философии религии и философского теизма, — что заставило, например, М. Элиаде попытаться обособить историческую религиоведческую феноменологию, — может претендовать лишь на использование в своем философском синтезе результатов конкретно-исторических исследований эволюции церковных институций и т.п., но не на продуцирование такового знания, поскольку предмет истории Церкви не идентичен предмету не только религиоведения, но и истории религии.

В-четвертых, размежевание по объекту и по предмету исследования близкородственных по методологии гуманитарных дисциплин необходимо проводить с учетом эпистемологического контекста, всякий раз четко осмысливая, в каком парадигмальном или же эпистемическом ключе будет реализована исследовательская программа.

²⁸ The Agamben Dictionary / Eds. A. Murray, J. Whyte. Edinburgh, 2011. P. 26–28, 92–96, 144–147, 156–158, 174–176.

²⁹ Agamben G. The Kingdom and the Glory. For a Theological Genealogy of Economy and Government (Homo Sacer II, 2). Stanford, 2011. P. 1–16.

Библиография

- Арон Р. Избранное: введение в философию истории. М. – СПб., 2000.
 Арон Р. Избранное: измерения исторического сознания. М., 2004.
 Бедуэлл Г. История Церкви. М., 1996.
 Блоуин Ф., Розенберг У. Происхождение прошлого. «Подлинность» для историков и архивистов. СПб., 2017.
 Введение в историю Церкви. Ч. 1: Обзор источников по общей истории Церкви / Под ред. В.В. Симонова. М., 2012.
 Введение в историю Церкви. Ч. 2: Обзор историографии по общей истории Церкви / Под ред. В.В. Симонова. СПб., 2015.
 Визгин В.П. Эпистемология Гастона Башляра и история науки. М., 1996.
 Данто А.С. Аналитическая философия истории. М., 2002.
 Иванов С.А. Блаженные похабы: Культурная история юродства. М., 2005.
 Ильин В.В. Теория познания. Введение. Общие проблемы. М., 1993.
 Ильин В.В. Теория познания. Эпистемология. М., 1994.
 Ильин В.В. Философия истории. М., 2003.
 Источниковедение / Отв. ред. М.Ф. Румянцева. М., 2015.
 Как мы пишем историю? / Отв. ред. Г. Гаррета, Г. Дюфо, Л. Пименова. М., 2013.
 Карнап Р. Значение и необходимость. Исследования по семантике и модальной логике. М., 1959.
 Лакатос И. Избранные произведения по философии и методологии науки. М., 2008.
 Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М., 1995.
 Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории. М., 2006.
 Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря / Сост. архим. Серафим (Чичагов). Изд. 2-е. СПб., 1903.
 Лорци Й. История Церкви, рассмотренная в связи с историей идей. Т. 1–2. М., 1999–2000.
 Макеева Л.Б. Язык, онтология и реализм. М., 2011.
 Неклассическое наследие. Андрей Полетаев / Отв. ред. И.М. Савельева. М., 2011.
 Общая история Церкви. Т. I–II / Сост. и общ. ред. В.В. Симонова. М., 2017.
 Павлов А.В. Постпостмодернизм: как социальная и культурная теории объясняют наше время. М., 2019.
 Поппер К. Логика и рост научного знания. Избранные работы. М., 1983.
 Рассел Б. Исследование значения и истины. М., 1999.
 Савельева И.М., Полетаев А.В. Социология знания о прошлом. М., 2005.
 Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. Т. 1: Конструирование прошлого. СПб., 2003.
 Савельева И.М., Полетаев А.В. История и время. В поисках утраченного. М., 1997.
 Савельева И.М., Полетаев А.В. Классическое наследие. М., 2010.
 Событие в истории, памяти и нарративах идентичности / Под ред. Л.П. Репиной. М., 2017.
 Философия и методология истории / Общ. ред. И.С. Кона. М., 1977.
 Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994.
 Эволюционная эпистемология и логика социальных наук: Карл Поппер и его критики / Сост. Д.Г. Лахути, В.Н. Садовский, В.К. Финн. М., 2000.
 A Companion to the Philosophy of History and Historiography / Ed. A. Tucker. Oxford, 2009.
 Agamben G. The Kingdom and the Glory. For a Theological Genealogy of Economy and Government (Homo Sacer II, 2). Stanford, 2011.
 Agamben G. The Signature of All Things. On Method. New York, 2009.
 Historical Reenactment. From Realism to the Affective Turn / Eds. I. McCalman, P.A. Pickering. New York, 2010.
 Kuhn T.S. The Structure of Scientific Revolutions. 3rd ed. Chicago, 1996.
 McCullagh B.C. The Logic of History. Putting postmodernism in perspective. London; New York, 2004.
 McParland T.J. Lonergan and Historiography. The Epistemological Philosophy of History. Columbia, 2010.
 Mills C. The Philosophy of Agamben. Ithaca, 2008.
 The Agamben Dictionary / Eds. A. Murray, J. Whyte. Edinburgh, 2011.
 The Agamben Effect / Spec. ed. A. Ross // The South Atlantic Quarterly. 2008. Vol. 107. № 1.
 The Historic Turn in the Human Sciences / Ed. T.J. McDonald. Ann Arbor, 1996.
 Warum noch Philosophie? Historische, systematische und gesellschaftliche Positionen / Hrsg. von M. van Ackeren, T. Kobusch, J. Müller. Berlin - Boston, 2011.

References

- Aron R. Izbrannoie: Izmereniia istoricheskogo soznaniia [Dimensions of Historical Consciousness]. Moskva, 2004. (In Russ.)
- Aron R. Izbrannoie: Vvedenie v filosofiui istorii [Introduction to the Philosophy of History]. Moskva - Sankt-Peterburg, 2000. (In Russ.)
- Beduell G. Istoriiia Tserkvi [Church History]. Moskva, 1996. (In Russ.)
- Blouin F., Rozenberg U. Proiskhozhdenie proshlogo. "Podlinnost'" dlia istorikov i arkhivistov [Processing the Past. Contesting Authority in History and the Archives]. Sankt-Peterburg, 2017. (In Russ.)
- Carnap R. Znachenie i neobkhodimost'. Issledovaniia po semantike i modal'noi logike [Meaning and Necessity. A Study in Semantics and Modal Logic]. Moskva, 1959. (In Russ.)
- Danto A.S. Analiticheskaia filosofiiia istorii [Analytical Philosophy of History]. Moskva, 2002. (In Russ.)
- Evolutsionnaia epistemologiiia i logika sotsial'nykh nauk: Karl Popper i ego kritiki / Sost. D.G. Lakhuti, V.N. Sadovskii, V.K. Finn [Evolutionary Epistemology and the Logic of the Social Sciences: Karl Popper and His Critics / Comp. D.G. Lakhuti, V.N. Sadovskii, V.K. Finn]. Moskva, 2000. (In Russ.)
- Filosofiiia i metodologiiia istorii / Obshch. red. I. S. Kona [Philosophy and Methodology of History / Ed. I.S. Kona]. Moskva, 1977. (In Russ.)
- Foucault M. Slova i veshchi. Arkheologiiia gumanitarnykh nauk [Words and Things. Archeology of Human Sciences]. Sant-Peterburg, 1994. (In Russ.)
- Ilin V.V. Filosofiiia istorii [Philosophy of History]. Moskva, 2003. (In Russ.)
- Ilin V.V. Teoriiia poznaniia. Epistemologiiia [Theory of Knowledge. Epistemology]. Moskva, 1994. (In Russ.)
- Ilin V.V. Teoriiia poznaniia. Vvedenie. Obshchie problemy [Theory of Knowledge. Introduction. General Problems]. Moskva, 1993. (In Russ.)
- Istochnikovedenie / Otv. red. M.F. Rumiantseva [Source Study / Repl. M.F. Rumiantseva]. Moskva, 2015. (In Russ.)
- Ivanov S.A. Blazhennye pokhaby: Kul'turnaia istoriia iurodstva [Blissful Pokhaby. A Cultural History of Foolishness "in Christ"]. Moskva, 2005. (In Russ.)
- Kak my pishem istoriiu? / Otv. red. G. Garreta, G. Diufo, L.V. Pimenova [How do we write history? / Repl. G. Garreta, G. Diufo, L.V. Pimenova]. Moskva, 2013. (In Russ.)
- Lakatos I. Fal'sifikatsiia i metodologiiia nauchno-issledovatel'skikh program [Refutability and Methodology of Academic Research Programmes]. Moskva, 1995. (In Russ.)
- Lakatos I. Izbrannye proizvedeniia po filosofii i metodologii nauki [Selected Works on Philosophy and Methodology of Science]. Moskva, 2008. (In Russ.)
- Lappo-Danilevskii A.S. Metodologiiia istorii [Methodology of History]. Moskva, 2006. (In Russ.)
- Letopis' Serafimo-Divevskogo monastiria / Sost. arhim. Serafim (Chichagov). Izd. 2-e [Chronicles of Seraphim-Diveyev Monastery / Comp. arhim. Serafim (Chichagov)]. Sankt-Peterburg, 1903. (In Russ.)
- Lortz J. Istoriiia Tserkvi, rassmotrennaia v sviazi s istoriei idei. T. 1–2 [The History of the Church, Considered in Connection with the History of Ideas. Vol. 1–2]. Moskva, 1959. 1999–2000. (In Russ.)
- Makeeva L.B. Iazyk, ontologiiia i realism [Language, Ontology, and Realism]. Moskva, 2011. (In Russ.)
- Neklassicheskoe nasledie. Andrei Poletaev / Otv. red. I.M. Savel'eva [Non-Classical Heritage. Andrei Poletayev / Ed. I.M. Savel'eva]. Moskva, 2011. (In Russ.)
- Obshchaia istoriia Tserkvi. T. I–II / Sost. i obshch. red. V.V. Simonova [A General Church History. Vol. I–II / Comp., ed. V.V. Simonov]. Moskva, 2017. (In Russ.)
- Pavlov A.V. Postpostmodernizm: kak sotsial'naia i kul'turnaia teorii ob'iasniaiut nashe vremia [Postmodernism: How Social and Cultural Theories Explain Our Times]. Moskva, 2019. (In Russ.)
- Popper K. Logika i rost nauchnogo znaniia. Izbrannye raboty [The Logic of and Increase in Academic Knowledge: Selected Works]. Moskva, 1983. (In Russ.)
- Russel B. Issledovanie znachenii i istiny [An Inquiry into Meaning and Truth]. Moskva, 1999. (In Russ.)
- Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Istoriiia i vremia. V poiskakh utrachennogo. [History and Time. In Search of the Lost]. Moskva, 1997. (In Russ.)
- Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Klassicheskoe nasledie [Classical Heritage]. Moskva, 2010. (In Russ.)
- Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Sotsiologiiia znaniia o proshlom [Sociology of the Knowledge of the Past]. Moskva, 2005. (In Russ.)
- Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Znanie o proshlom: teoriia i istoriia. Vol. 1: Konstruirovaniie proshlogo [The Knowledge of the Past: Theory and History. Vol. 1. Constructing the Past]. Sankt-Peterburg, 2003. (In Russ.)
- Sobytiie v istorii, pamiati i narrativakh identichnosti / Pod red. L.P. Repinoi [The Event in History, Memory and Narratives of Identity / Ed. L.P. Repina]. Moskva, 2017. (In Russ.)

- Vizgin V.P.* Epistemologija Gastona Bashliara i istoriia nauki [Gaston Bachelard's Epistemology and the History of Science]. Moskva, 1996. (In Russ.)
- Vvedenie v istoriiu Tserkvi. Ch. 1: Obzor istochnikov po obshchei istorii Tserkvi / Pod red. V.V. Simonova [Introduction to Church History. Pt I: Review of the Sources on General Church History: Textbook / Ed. V.V. Simonova]. Moskva, 2012. (In Russ.)
- Vvedenie v istoriiu Tserkvi. Ch. 2: Obzor istoriografii po obshchei istorii Tserkvi / Pod red. V.V. Simonova [Introduction to Church History. Pt II: Review of the Historiography on General Church History / Ed. V.V. Simonov]. Sankt-Peterburg, 2015. (In Russ.)
- A Companion to the Philosophy of History and Historiography / Ed. A. Tucker. Oxford, 2009.
- Agamben G.* The Kingdom and the Glory. For a Theological Genealogy of Economy and Government (Homo Sacer II, 2). Stanford, 2011.
- Agamben G.* The Signature of All Things. On Method. New York, 2009.
- Historical Reenactment. From Realism to the Affective Turn / Eds. I. McCalman, P.A. Pickering. New York, 2010.
- Kuhn T.S.* The Structure of Scientific Revolutions. 3rd ed. Chicago, 1996.
- McCullagh B.C.* The Logic of History. Putting postmodernism in perspective. London; New York, 2004.
- McPartland T.J.* Lonergan and Historiography. The Epistemological Philosophy of History. Columbia, 2010.
- Mills C.* The Philosophy of Agamben. Ithaca, 2008.
- The Agamben Dictionary / Eds. A. Murray, J. Whyte. Edinburgh, 2011.
- The Agamben Effect / Spec. ed. A. Ross // The South Atlantic Quarterly. 2008. Vol. 107. № 1.
- The Historic Turn in the Human Sciences. / Ed. T.J. McDonald. Ann Arbor, 1996.
- Warum noch Philosophie? Historische, systematische und gesellschaftliche Positionen / Hrsg. von M. van Ackeren, T. Kobusch, J. Müller. Berlin – Boston, 2011.